

В.Г. Костомаров

kostomarov_v_g@mail.ru

д-р филол. наук, профессор,
академик РАО, президент
Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Причуды русского ударения

Ударение (свободное, подвижное), нормализация.

Нередкие передвижки в принципе «свободного» ударения в словах меняют их произношение и могут влечь за собой различные смыслы – слово- или формообразовательные, семантические, стилистические, а также вообще никаких. На трех примерах (*пéтля – петля́, творо́г – твóрог, языко́вый – языково́й*) автор рассматривает успехи и неудачи попыток разумно нормализовать причуды русской акцентологии.

Ударение в русском языке не фиксируется главным законодателем правильности – книжным письмом и хранится ненадежно лишь в звуковом общении. Или иначе: письмо благоразумно отказалось заниматься столь сложной материей, сопротивляясь даже узаконению обязательного написания буквы *ё*, как ни старался этого добиться славный, к сожалению, уже покойный «ёфикатор» (как он сам себя любовно называл) В.Т. Чумаков.

В отличие, скажем, от родственного польского языка, в котором ударение всегда падает на предпоследний слог, русское ударение свободно и подвижно. Ударным может быть в принципе любой слог, но, за редкими исключениями (*сорока́пятиле́тняя красавица, Пётропа́вловская крепость*), только один. В нем гласный звучит с силой, ясно, долго, а остальные редуцируются, т.е. ослабляются, сокращаются. Школьный учитель во имя орфографии и во вред произношению требует: «Читайте как написано, не проглатывайте буквы». От места ударения зависит произношение всего слова, при переносе ударения произношение меняется: *ко́локол – [колькл]*, а множественное число

колоко́ла – [клькъ́ла], если только не диктуется в учебных целях по слогам: *ко-ло-кол, ко-ло-ко-ла*.

Смена места ударения помогает различать формы одного и того же слова: (*звездá – звéзды, по́ле – поля́, топо́р – топоры́*) или само их только и различает: *Крыша с грохотом осы́палась* (вдруг, внезапно; от глагола *осы́паться*) и *Штукатурка осы́палась при каждом сильном дожде* (всякий раз, постоянно; от глагола *осыпа́ться*). Ударение не только различает одинаково написанные слова (омографы): *Иди своей доро́гой* (своим путем), *Дорого́й* (милый) *друг мой*; *О результатах завтра мне долóжите* (форма будущего времени), *О результатах доложíte* (повелительная форма) и так до бесконечности.

По примеру фольклорных формул *красна де́вица – девíца; мло́да – молодá; мло́лодец – молодéц* ударение может меняться ради шутки, какой-то выразительности (*иду́т, íдут, никак не дойдут; на лы́жне, на лы́жне́ встретил я вас; пéтля, пéтельница, петля́*) или даже бесцельно, просто как равноправные варианты (*ро́вня, ровня́*). При вроде бы единственно правильном *берё-*

ста все больше слышится *берестá* и даже *бѐреста*). В деревнях и дачных поселках Подмосковья можно услышать и прочесть в названиях улиц и переулков и *прóсека* (признано словарями), и *просѐка, просѐк* (первоначально 'дорога, прорубленная в лесу').

Родить, один из уникальных двувидовых глаголов без приставки и суффикса, дает в качестве НСВ: *родíл, родíла, родíло, родíли* и в качестве СВ: *родíл, родíла, родíло, родíли*, а также *родíлся и родилсá, родилáсь, родилóсь, родились* и допускаются *родíлось, родíлись*. Еще более пестра акцентологическая картина в формах прошедшего времени кратких причастий от глаголов СВ с основой на *-нять* (*занять, отнять, перенять, принять, поднять, унять*), дающих видовую пару с суффиксом несовершенности (*занимать – занять*) в отличие от *изменять – изменить* и большинства других.

Подобные прихоти не всем, конечно, нравятся и вызывают споры. Выбор места ударения в строении слова и его роль в произношении, безусловно, не произвольны, просто лишь не познаны их определяющие законы созвучий в интонационно-звуковой гармонии. Однако они создают широкое поле вариативных колебаний, каверзных и не всегда безобидных игр, затруднительных не только для иностранцев, но и для самих русских. Между тем такая причудливость вполне устраивает русский язык и русских людей. Такие уж они с их неопределенным сомнением, вечным поиском недостижимого порядка и удовлетворения. Недаром Валентин Распутин как-то заметил, что «языку нашему, чем чудней, тем милей».

Музыку, равновесие и напевность ритма в одно- и многосложных словах, благозвучие оказавшихся в соседстве звуков, нужную расстановку ударений открывают в силу своего дара поэты – не умом, а душой и сердцем и не в полноте правил. Основываясь на их открытиях и на своих знаниях, чувствах и вкусах, филологи и педагоги устанавливают и насаждают нормы. В случаях очевидных вариативных колебаний они стремятся найти (часто и изобрести) убеждающие людей доводы в пользу одного, устраняя или неохотно признавая другой допустимым,

хотя нежелательным, а иногда нормализовать оба, связав их с разными значениями. Обычно люди и не требуют доказательств, удовлетворяясь мнением авторитета.

Услышав из уст В.В. Виноградова *при́горшня*, я нагло спросил: «Разве не *пригóршня*?» В ответ услышал: «Надо узнать у вашего друга Сергея Ивановича». Мой старший друг С.И. Ожегов считал: «*при́горшня* и допустимо *пригóршня*» (сегодня нормой считают второе, а первое устарелым). При неуверенности и следует обращаться к знатокам. Тут к месту нельзя не вспомнить великолепный труд В.И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» [14] и едва ли не первый замечательный «опыт словаря-справочника» Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова «Русское литературное ударение и произношение» [1].

Не премину рассказать еще, как в юношеском задоре я спросил у С.И. Ожегова, почему *пóдняли* в словаре считается правильнее, чем *поднѝли*, а *принѝли* вовсе не указывается, а только *принѝли*. Он хитро прищурился: «Да просто звучит приятнее». И добавил: «Скажу вам по секрету, только никому не рассказывайте, что, если не уверен, как лучше, всегда выбирай ударение ближе к началу: *при́горшня*, а не *пригóршня*, *прѝвы*, а не *правѝ*, *знѝмение*, а не *знамѝние*, *Тѝйная вѝчеря*, а не *вечѝря*. И, несомненно, *ѝгодища*, а не *ягодѝща*». Чтобы не нарваться на издевку, а собеседник был умелым, я побоялся спрашивать, почему в словаре сказано: «*мытѝрство* (не *мытарство*)». Что до *знамѝние, знамѝнье*, то мне и в голову не приходило, что так кто-то говорит, и лишь недавно прочитал в «Большом толковом словаре русского языка» [2], что это... норма.

В силу своей свободы и подвижности русская акцентология составляет особо запутанный клубок противоречий, порождающий неопределенность в людских заботах при установлении нормы. Язык терпеливо сносит смену места ударения, пока сохраняется (для русских, привычных к таким подвоям и ищущих за ними смысловые различия) узнаваемость слова – четкость ударной гласной и редукция остальных. Но при этом и русские нередко теряют возможность сис-

темно предугадывать нормативную правильность, колеблются и традиционно настроены на вопрос «А все-таки как это по-русски правильно?»

Рассмотрим 3 из многих примеров не легкого установления нормы, волнующих русских и, надо думать, затрудняющих иностранцев.

Фольга, петля, искра

Среди двусложных слов женского рода на *-а(-я)* немногие, связанные с профессиональными сферами, имеют ударение на втором слоге (*кирка́, межа́, фата́, фреза́, лыжня́, пешня́*) и с различным успехом прорываются в общую массу с ударением на первом. Идя против, казалось бы, системной тенденции, словари утверждают нормой *лыжня́*, указывая с запретом или допуском *лыжня*. Во имя торжества культурно-педагогической традиции они даже не упоминают широко распространенное среди электриков и шоферов *искра́*.

Неохотно нормализуется *петля́* под непреодолимым влиянием речи ткачей, циркачей, авиаторов, особенно в связи с героическим исполнением пилотом Нестеровым *мертвой петли́* и модой на синтетические чулки и колготки, на которых то и дело *поехала петля́*. Правда, сохраняется, явно устаревая, и *пéтля*, прежде всего во фразеологизме *лезть в пéтлю*.

Слово *фóльга* в значении ‘тончайшая пленка из золота для ручного золочения’ вышло из употребления с появлением гальванических приемов и забвением самого предмета. Однако оно вновь появилось в общем языке как вторичное заимствование из речи металлургов уже с профессиональным ударением *фóльга́* – название алюминиевой обертки для жарки или упаковки продуктов, обогатившей наш быт. Лишь немногие нынешние словари вообще вспоминают слово со старым нормативным ударением, помечая «спец., устар.».

Примеров того, как структура социума «поправляет» динамику языка и осложняет работу кодификаторов, много. Юристы и судьи твердо стоят за *при́говор*

и *осу́женный*, моряки – за *компа́с* и *Мурма́нск*, горняки – за *рудни́к* и *до́быча*, художники – за *ста́нковую живопись*, а военные – за *станко́вый пулемет*. В профессии это закон, не соблюдающих его не сочтут «своим». За ее пределами, кроме, пожалуй, судебных чинов и живописцев, сами профессионалы пользуются традиционной общей нормой *приговóр, осужде́нный, ко́мпас, Му́рманск, рудни́к, добы́ча, станко́вый*.

Творог, пирог, сапог

Распространяется ударение *твóрог* вместо *творóг*. Оправданное передвижкой в падежных формах *творога́, творогу́, творого́м* и ставшее подвижным ударение захватило исходную форму и меняет остальные *твóрога, твóрогу, твóрогом*. Слово предстает исключением, потому что системно однородная группа таких слов с исходом на *-ог* (*ито́г, нало́г, остро́г, подло́г, поро́г, предло́г, черто́г* – всего около 80) бережется подвижки ударения: *ито́г – ито́га, ито́гу... ито́ги, ито́гов...* Но в ней явно завелась червоточина, покушающаяся на акцентологическую замкнутость.

Началось все, скорее всего, с прыжка ударения в словах *сапог* и *пирог* во множественном числе, а затем и во всей парадигме. Можно уловить здесь некий отзвук идеи двойственности: *пара сапог, два сапога пара*, да и пироги ходят вдвоем – с мясом да с капустой. Эти 2 слова ушли от неподвижного ударения (*сапога́, сапогу́, сапоги́; пирога́, пирогу́, пироги́*) не так уж решительно. Дурной пример заразителен, но, пережив возможность перемещения, ударение в слове *твóрог* вернулось парадоксально к неподвижности, только на другом слоге, будто желая прощения за измену. Трудно угадать, каким было бы при необходимости (скажем, для обозначения сортов) множественное число этого вещественного имени – *твóроги* (как *поро́ги, нало́ги*), *твороги́* (по примеру *сапоги́, пироги́*), *творога́*; теперь же наверняка – *твóроги*. Лексикографы, как всегда, ждут конца интриги и стремятся успеть его нормализовать: сначала указывали «ошиб. твóрог», т.е. констатировали (и отвергли!)

появление варианта; лет через 10–20 распространение ошибки заставило смягчить помету до «не реком. *твóрог*», еще позже полупризнать его – «нежелат. *твóрог*»; новейшие словари помету убрали – *творóг* и *твóрог*, а в одном изменили и порядок – *твóрог* и *творóг*.

Ревнителю правильности особенно из старшего поколения согласиться с этим неспособны. В статье «Из жизни словарей» («Литературная газета». 2012. № 46–47) читаем: «Единственно правильным является ударение *творóг*! А как же иначе! Вот смотрите: *творожóк*, *творóжник*, *творóжистый*, *творóжающийся*... Во всех этих словах ударение падает на вторую часть слова, и поэтому *творóг* и только *творóг* истинно верно!» Автор забавно не заметил, что *творожóк*, в котором *о* из суффикса *-ок(-ек)*, опровергает его доказательство, свидетельствуя как раз о перемене места ударения (иначе было бы *творóжек*). И еще: неужели сам автор склоняет *творóг*, *творóга*, *творóгу*, *творóгом*?!

Для меня, привыкшего к форме *творóг* (с младенчества так учили в семье, так говорили все вокруг), хотя и перемещающему ударение при склонении: говорю *дайте творогá* (а не *творóга*); *одним творогóm* (а не *творóгом*) *сыт не будешь*, новоявленные *твóрог*, *твóрога*, *твóрогом* совершенно неприемлемы. Но, видимо, пора меняться, чтобы не быть белой вороной. На днях попросил в магазине *дайте творогá*, а продавщица не понимает, повторил внятно и проще *творóг дайте*, опять не поняла, показал пальцем, она раздраженно бросила: «Ах, твóрог, сразу так бы сказали!» Мои друзья неуверенно успокоили: девушка, мол, скорее всего нерусская, как многие служащие московских супермаркетов. Вопреки их мнению и своему, даже вопреки авторитету «Литературной газеты» думаю, что в ближайших будущих словарях можно ждать новых помет: *твóрог* и не реком. устар. *творóг*.

О причинах смены норм чаще всего можно лишь гадать. Ясно, что обретя свободу передвижения хотя бы в одной форме, ударение легко меняет свое место, но трудно объяснить, почему другие слова той же структуры этой свободы не вкусили. При-

мером могли служить односложные слова вроде *стог*, развившие с конца XVII столетия форму множественности *стогá* наряду с формой *стóги*, а вскоре и похоронили ее, также как *домá* сменили *дóмы*. Можно еще полагать, что действуют тут и какие-то таинственные законы созвучия.

Впрочем, как и хрестоматийные *чулóк* (*чулká*; *чулкí*, *чулóк*) и *носóк* (*носкá*; *носкí*, *носкóв*), многие другие частные нормы даже в случаях более очевидного колебания вариантов закостенело абсолютизируются кодификаторами, насаждаются школой и закрепляются в речевой практике под внимательным надзором русского лингвоцентричного образованного общества. Явно не дожидаясь, чтобы признали, например, *килóметр* (хорошо бы опросить, не больше ли половины населения так говорит) или бы допустили ради разумного равновесия *термомéтр*, что, конечно, хуже, потому что приборы измерения мы заимствовали раньше метрических мер.

Многозначительно, наконец, то, что колебания, поразившие слова *творóг*, *пирóг*, *сапóг*, охватывают вопреки усилиям ревнителю традиции охотнее иноязычные слова сходной структуры. Кроме *диалóг*, *каталóг*, *некрóлог*, которые сопровождаются постоянно ошибками *диáлог*, *катáлог*, *некрóлог*, напомним многосложные нерусские названия ученых на *-óлог*, производимое нередко и часто насмешливо как *-олóг*: *археóлог*, *бибóлог*, *венерóлог*, *гебóлог*, *гинеко́лог*, *ихтиóлог*, *кардио́лог*, *ларинго́лог*, *лексико́лог*, *мето́дóлог*, *неврóлог*, *онко́лог*, *психо́лог*, *социо́лог*, *тексто́лог*, *техно́лог*, *травмато́лог*, *физио́лог*, *фило́лог*, *эпидемио́лог*.

Языковой, языковой

Кажется логичным сохранять ударение производящего слова: *сли́ва* – *сли́вовый*, *ви́шня* – *ви́шневый*, *мали́на* – *мали́новый*, *ряби́на* – *ряби́новый*, *пе́рсик* – *пе́рсиковый*, *подрóсток* – *подрóстковый*, *ке́др* – *ке́дровый*, *гру́нт* – *гру́нтовый*, *што́рм* – *што́рмовый*, *сме́сь* – *сме́совый*, *джи́нсы* – *джи́нсовый*, *ци́фра* – *ци́фровый*. Слишком просто для

русской акцентологии, да и нашего богатого словообразования. И нередко возникают колебания, потому что суффикс *-ов-* сам склонен быть ударным: *сли́вовый* – *сливо́вый*, *ви́шневый* – *вишнёвый*, *подрóстковый* – *подростко́вый*, *ке́дровый* – *кедрóвый*, *гру́нтовый* – *грунто́вый*, *штормо́вый* – *штормо́вый*, *сме́совый* – *смесо́вый*, *джи́нсовый* – *джинсо́вый* (тем более что в просторечии говорят *джинсы*). Одни и те же основы дают и иные прилагательные. От *риск*, например, образуется торгово-банковский термин *ри́сковый*, а также игроцкий *риско́вый* или *рисковой* в параллель вполне литературному с широким значением *риско́ванный*.

Московский говор заменяет окончание *-ый*, *-ий* конечным ударным *-ой*, которое становится общезыковым: в Санкт-Петербурге говорят *обво́дный канал*, в Москве бы сказали *обводно́й*; в песенной строке сохраняется *запа́сный* («наш бронепоезд стоит на запа́сном пути»), но сегодня явно торжествуют формы на *-ой*: *запасно́й путь*, *запасно́е колесо*. Односложные *борт*, *двор*, *дом* дают, как и *риск*, *бортóвый*, *дворóвый*, *домóвый* и *бортóвой*, *дворóвой*, *домóвой* (не только мифическое существо): *дворóвый* / *дворóвой* *пес*, *домóвая церковь*, *домóвая* и *домóвая кухня*. Выстраиваются ряды: *штормо́вый*, *штормо́вый* и *штормо́вой*, *сме́совый*, *смесо́вый* и *смесо́вой*, *цифровóй*, *цифровóй* и *цифровóй*.

Герой данного рассмотрения *язык* воспользовался всеми возможностями, породив прилагательные *язы́чный*, *языко́вый*, *языко́вый* и *языко́вой*. Два последних соотносятся, строго говоря, как словообразовательные варианты, которые иногда сопровождаются какими-то едва уловимыми оттенками, как, например, в паре *ви́шневый* – *вишнёвый*.

По легенде, актер на просмотре пьесы при А.П. Чехове оговорился и поправился, но чуткий к языку писатель из зала вмешался: да, да, именно *вишнёвый сад* в моей пьесе, *вишневое* – это варенье. Вряд ли этот эпизод, если он достоверен, а не надуман, оправдывает помету в «опыте словаря-справочника»: *вишнёвый* (не *ви́шневый*). Впрочем, авторитет этого замечательного пособия

и ссылка на великого писателя способны убедить всех настолько, чтобы вариант слова был лишен звания нормы.

В середине прошлого столетия С.И. Ожегов смело назвал ударение *языко́вый* иностранным, польским, связав его с гастрономическим значением, поскольку исторически поляки как лучшие в мире мастера готового к еде холодного мяса, ветчины и колбас монополю ввели в России мясную торговлю. Таким манером варианты были решительно разведены как разные слова: *языко́вой* бывает, де, только колбаса, а нормы, категории, проблемы *языковы́е*.

Блестящее остроумие этого хода, в принципе сомнительного хотя бы потому, что форма *языко́вый* вполне отечественная. Даже если подчеркнуто московской форме *языко́вой* суждено стать общерусской, она сохранится наряду с ней и с *языко́вый* и *язы́чный*. Ведь не только в анатомии, но и в лингвистике говорят *язы́чные*, *языко́вые* или *языко́вые мышцы*, *переднеязы́чные*, *переднеязыко́вые*, *переднеязыко́вые звуки*, *праязы́чное*, *праязыко́вое* или *праязыко́вое состояние*. Трудно уговорить всех использовать во всех случаях только что-то одно.

Однако впечатляющее воображение, остроумное смысловое размежевание словообразовательно-произносительных вариантов было поддержано авторитетной публикой. Оно до сего дня служит оселком проверки культуры речи, знания нормы. Спутаться и заслужить насмешку знатока русского языка, грамотного, образованного, знающего норму по совету знаменитого лексикографа.

Вмешательство авторитета имело успех, потому что преодолевало явно раздражающее тех людей, которые стремятся к четкому порядку, безразличие языка к колебаниям в ударении без привязки их к разным значениям. Эти чувства обостряются в некоторые периоды истории общественной жизни. В годы появления статьи «*Языко́вой и языко́вый*» (Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. I) в обществе как раз и велась борьба за определенную однозначность, против излишеств вариативности во всем. Она

сподвигла многих на поиск основ для разграничения среди самых различных сосуществующих вариантов.

Сектор культуры речи академического института во главе с С.И. Ожеговым старался семантически размежевать варианты или запретить один из них. Так, например, *туристский* относили к туристу (т. рюкзак, т. палатка, т. куртка, т. вещмешок), а *туристический* – к туризму (т. бюро, т. фирма, т. индустрия). Разумеется, полной победы над своеволием языка одержано не было. Самые умудренные носители языка сбивались в употреблении *туристский* и *туристический*, как вполне просвещенные сегодня путаются в рекомендуемом применении *языко́вый* и *языковой*.

Работая в этом секторе, я тоже пытался бороться с вариативностью, предлагая, скажем, устранить колебания *трейлер* и *трайлер*, навязав *прицеп*, изгнать *щупаль-*

цы в пользу *щупальца*, совместить значения ‘извилистая горная дорога’ и ‘разноцветная бумажная лента’ в слове *серпантин*, а слово *серпентина* запретить. Ну, и так далее. Более чем полустолетний личный опыт убедил меня в том, что семантическая кодификация, даже хитроумно поддержанная культурно-историческими доводами от разума и настроения социума, вряд ли в самом деле совершенствует язык. В известной мере она даже мешает его саморазвитию.

Деятельность кодификаторов, ревнителей традиционной правильности и чистоты выражения желательна, полезна, хотя в некотором смысле неблагоприятна. Однозначная норма, в частности, акцентологическая, несомненно, дисциплинирует говорящих, действует сиювременному порядку и порядочности как точка отсчета. Однако сама по себе она совсем необязательно облегчает и украшает наше общение.

Литература

1. Аванесов Р.И., Ожегов С.И. Русское литературное ударение и произношение: Опыт словаря-справочника. М., 1955.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: В 2 т. М., 2000.
4. Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 1986, 1993, 2006.
5. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1980.
6. Крысин Л.П., Скворцов Л.И. Правильность русской речи: Словарь-справочник. М., 1962.
7. Никольский Н.Н. Учебное пособие по стилистике и литературной правке. М., 1956.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1952.
9. Орфографический словарь русского языка. М., 2006.
10. Словарь русского языка АН СССР: В 4 т. М., 1957–1961.
11. Словарь современного русского языка АН СССР: В 17 т. М.-Л., 1948–1964.
12. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
13. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.
14. Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. СПб., 1911.

V.G. Kostomarov

THE WHIMS OF RUSSIAN STRESS

Stress (its position and shift), standardization.

Occasional shift of stresses in words – which are largely arbitrary – change pronunciation and may result in unattended meanings – whether semantic, stylistic or form- and word-forming, or bring about no change in meaning. The author explores three examples of successful and unsuccessful attempts to intelligently standardize whims of Russian accentology.